

1274

ДАНТЕ-АЛИГИЕРИ.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ.

РАЙ.

Переводъ стихами съ итальянскаго

А. П. ФЕДОРОВА,

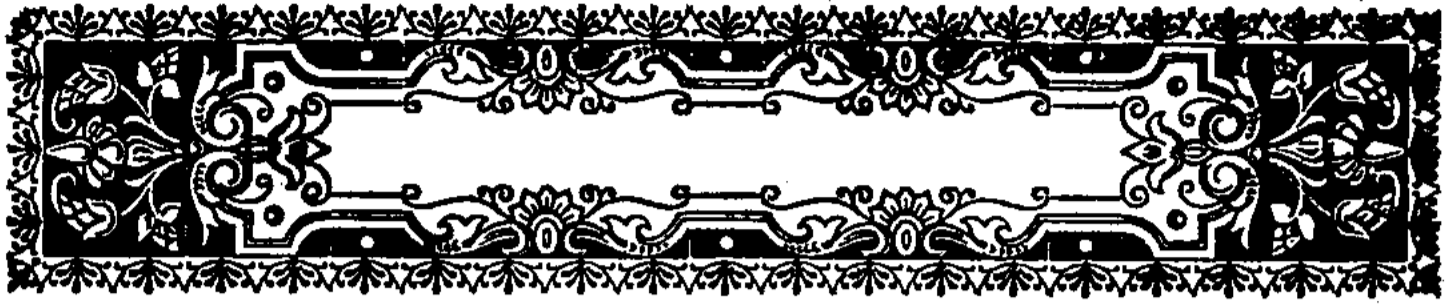
съ объяснительными примѣчаніями и вступленіемъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Дома Призр. Малол. Бѣдн. Лиговская ул., № 26.

1894.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій выпускъ заключаетъ въ себѣ третью и послѣднюю часть «Божественной Комедіи» Данте-Алигieri и, такимъ образомъ, нынѣ мы заканчиваемъ наше изданіе этой классической итальянской эпопеи христіанства, стяжавшей себѣ неувядаемую славу во всѣхъ европейскихъ государствахъ и ставшей на ряду съ величайшими произведеніями литературы, какъ древней такъ и новой.

Русское общество впервые ознакомилось съ «Божественной Комедіей» по переводу Д. И. Минаева, изданому извѣстной книгопродавческой фирмой М. О. Вольфа; изданіе это снабжено

роскошными иллюстраціями Густава Доре и въ отдѣльной продажѣ стоитъ сорокъ рублей; столь высокая ціна, хотя и оправдывается роскошествомъ изданія, но все-же ділаеть книгу недоступной для массы читающей публики, нерасполагающей значительными денежными средствами и, потому, немогущей затрачивать такія суммы на пріобрітенія книгъ, на сколько-бы такое пріобрітеніе ни являлось-бы желательнымъ. Въ настоящее время появляется нашъ переводъ «Божественной Комедіи», также полный, но безъ столь дорого стоящихъ иллюстрацій, лежащихъ тяжелымъ бременемъ на всякое изданіе и возвышающихъ его ціну до невіроятныхъ предѣловъ; мы, въ отношеніи издательской стороны діла, поставили себѣ первою задачею общедоступность, но, конечно, не въ ущербъ изящности изданія; выпускъ первой-же части нашего перевода самымъ блестящимъ образомъ оправдалъ наши ожиданія и надежды, такъ что мы быстро могли закончить наше изданіе, назначивъ за него самую ничтожную цѣну: 1 р. 50 коп. за каждую часть, всего, слѣдовательно, за всі три части въ отдѣльной продажі: 4 р. 50 коп. т. е. почти *въ десять разъ* меніе ціны изданія М. О. Вольфа.

Такое понижете цѣны, какъ уже сказано, мы могли сдѣлать благодаря отсутствию въ нашемъ изданіи дорогихъ иллюстрацій; но, упрощая внѣшность, мы все-же не лишили нашу книгу необходимой изящности (что подтверждается многочисленными отзывами) и только, такъ сказать, совершенно игнорировали чисто художественную сторону дѣла.

Зато, что касается стороны литературной, мы приложили всі наши старанія и не пожалѣли трудовъ и денежныхъ затратъ, чтобы достигъ въ этомъ отношеніи возможно лучшихъ результатовъ т. е. сдѣлать нашъ переводъ, во первыхъ, настолько близкимъ къ подлиннику, насколько это позволяютъ самыя условія дѣла, во-вторыхъ придать переводу дѣйствительно художественную обработку, какъ по содержанію, такъ и по внѣшней формѣ стиха, отъ котораго требовали прежде всего звучности и выразительности.

Затѣмъ, въ литературной сторонѣ дѣла, несомнѣнно играетъ немаловажную роль во всякомъ классическомъ произведеніи, написанномъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, такъ сказать, часть комментаріальная, т. е. необходимыя примѣчанія, объясненія, толкованія, указанія и

■

ссылки. Въ «Божественной Комедіи» эта прикладная часть играетъ еще боліе видную роль чімъ въ какомъ-либо другомъ литературномъ памятникі прошлаго; во-первыхъ потому, что это, какъ мы уже неоднократно указывали, не только вдохновленная поэзія, но и глубокая философія, телогія, теологическая критика исторіи, политической экономіи, церковнаго благаустройства, астрономія, фізіологія и т. п.; во-вторыхъ, — въ ней масса собственныхъ именъ, ссылокъ, указаній и намековъ, то на Св. Писаніе, то на древнихъ авторовъ, то на труды и діла ея современниковъ; въ-третьихъ въ ней многое высказывается полунамеками, иносказательно или даже аллегорически и метафорически. Все это дѣлаетъ «Божественную Комедію» не только неудобною, но даже и прямо недоступною для чтенія безъ надлежащихъ, въ данномъ случаі насущні-необходимыхъ, комментарій и предварительныхъ объясненій.

Поэтому-то, помимо самаго перевода, намъ предстояла трудная задача: собрать, сопоставить и скомпилировать комментаріи «Божественной Комедіи», какъ современныя ей, такъ и новійшія; первыя имѣють громадное значенія по подробности и боліе вѣроятной досто-

віренности фактовъ, такъ или иначе касающихся знаменитой поэмы, вторыя-же важніе для насъ, во-первыхъ, по обстоятельности и, боліе прочно-установившейся въ долгихъ спорахъ и возраженіяхъ, постановкѣ самага діла и взглядовъ, а во-вторыхъ по тому, что они писаны въ то время, когда уже улеглось все временное, преходящее и пристрастное: это—уже установившійся, холодный и безпристрастный, судъ исторіи, судъ настоящаго надъ прошедшимъ.

Эти комментаріи разбросаны въ десяткахъ книгъ и составляютъ собою цілую литературу; скомпилировать все это и выбрать то, что подходитъ къ ціли и назначенію нашего изданія (а назначеніе это: ознакомить русскаго интеллигентнаго читателя съ однимъ изъ величайшихъ памятниковъ литературы)—задача нелегкая, требующая затратъ массы труда, энергіи и денежныхъ издержекъ. Повторяемъ, все это потребовало, по крайней мірі столько-же, если не больше, времени и труда, чимъ самый переводъ текста.

О самомъ переводѣ мы уже, кажется, достаточно говорили въ нашихъ предисловіяхъ къ двумъ первымъ частямъ «Божественной Ко-

медіи»: мы выяснили ціли и назначеніе его, наши взгляды на самое діло и кое-какія указанія; критика добавила къ этому разборъ и оцінку перевода, оцінку, позволимъ себѣ замѣтить, въ большинствѣ случаевъ, благопріятную и даже лестную. Такимъ образомъ,—заканчивая нашъ слабый трудъ, поглотившій въ теченіи двухъ лѣтъ всі наши занятія, трудъ, (да позволено намъ будетъ высказаться откровенно) который мы успѣли полюбить, съ которыми тѣсно сроднились,—намъ остается только сказать наше послѣдніе слово и предоста-вить будущему произнести свой безпристраст-ный приговоръ.

Прежде всего выяснимъ предварительно наше отношеніе къ величайшему произведенію ге-нія Данте-Алигѣри, имя котораго безсмертно не только въ итальянской литературѣ, но и въ литературѣ всіхъ образованныхъ народовъ.

Есть существенная разница между перевод-чикомъ-прозаикомъ и переводчикомъ - поэтомъ; первый,—не болѣе, какъ посредникъ между людь-ми, говорящими на разныхъ языкахъ: его за-дача—выразить *словами* даннаго языка мысль автора. Совершенно иное переводчикъ-поэтъ: онъ передаетъ не сухую мысль автора, а по-

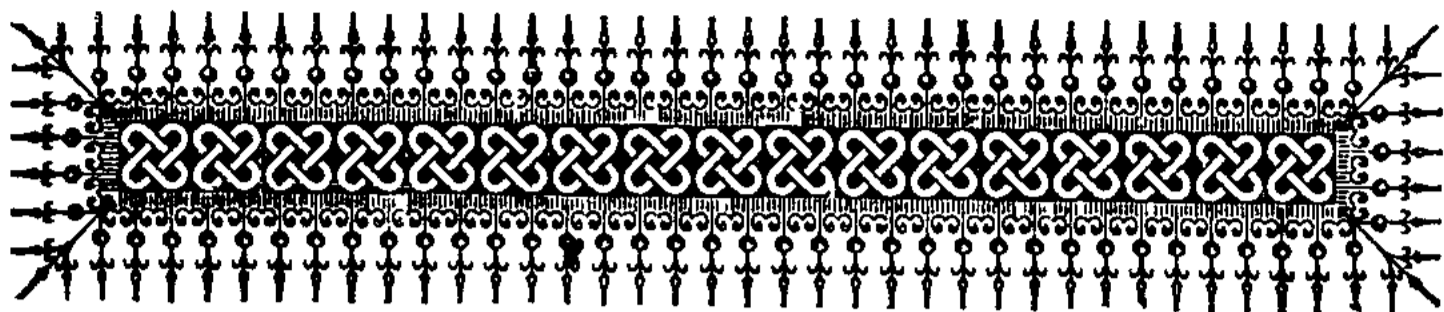
этической образъ, плодъ вдохновенія и его задача—прочувствовать эти образы, постигнуть ихъ, вдохновиться ими и облечь ихъ плотью и кровью, что замѣняется въ данномъ случаѣ словами того языка, на который онъ переводитъ. Поэтому-то субъективный элемента играетъ ничтожную роль въ прозаическомъ переводѣ, но получаетъ видное значеніе въ переводѣ поэтическомъ.

Такимъ образомъ, переводчикъ-поэтъ сообщаетъ своему переводу значительную долю своего собственнаго поэтическаго вдохновенія и вотъ мы, оканчивая теперь нашъ переводъ «Божественной Комедіи», въ правѣ смотрѣть на него отчасти, какъ на плодъ нашего вдохновенія великою итальянскою поэмою.

Да проститъ намъ тѣнь безсмертнаго Данте-Алигieri, если мы недостаточно поэтически очертили въ нашей передачѣ его чудные, заманчивые образы; что-же дѣлать, если сила этого коллоса поэзіи, мощность его поэтическаго дара недосыгаемо велика? Исполнить переводъ великой поэмы въ совершенствѣ—вещь невозможная, трудъ невероятный, про который мы можемъ сказать словами одного изъ нашихъ родныхъ поэтовъ, что онъ «не по плечу ни-

кому». Пусть-же это послужить намъ оправданіемъ въ нашей СМЕЛОЙ попытке передать одну изъ величайшихъ ПОЭМЪ классической литературы.

„РАЙ“.

(ВСТУПЛЕНІЕ).

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ о существованіи рая, или Царствія Небеснаго, должно быть отнесено къ элементарнымъ положеніямъ человѣческаго сознанія; это представленіе не только легло въ основу христіанской религіи, проникнутой глубиною Божественнаго Откровенія, но и вошло въ самомъ широкомъ развитіи въ положенія религій, созданныхъ философскою мыслію человѣка, каковы будизмъ и магометанство.

Но, собственно говоря, съ точки зрѣнія строгой послѣдовательности позитивизма, представленіе о Царствіи Небесномъ не элементарно само по себѣ, а есть только прямое и неизбѣжное слѣдствіе элементарнаго представленія о безсмертіи души и основъ нравственнаго міровоззрѣнія. Дѣйствительно, разъ если наша душа без-

смертна, разъ если существуетъ нравственное значеніе нашихъ дѣяній, какъ продуктовъ нашей свободной воли, — неизбежно нужно допустить существованіе и возмездія за эти дѣянія по ихъ моральной оцѣнкѣ; отсюда понятіе о рае, о Царствіи Небесномъ, какъ о мѣстѣ блаженства, даруемаго душамъ умершимъ въ вознагражденіе моральной высоты проявленій ихъ свободной воли.

Поэтому-то, всякая религія, сколько-нибудь возвысившаяся надъ узкимъ міровоззрѣніемъ дикаря, признавая безсмертіе души, признавая нравственную оцѣнку воли человека въ ея проявленіяхъ, признаетъ въ то-же время и существованіе мѣста посмертнаго блаженства; было-бы крайностью и, пожалуй, даже обскурантивнойю прямолинейностью утверждать, что религіи видятъ въ догматѣ вѣчнаго блаженства средство, такъ сказать, побужденія къ поднятію нравственной высоты проявленій свободной воли, или въ догматѣ о вечныхъ мукахъ, — средство отвращенія отъ грѣха. Действительно, тотъ, кто въ своихъ дѣяніяхъ, *старается* следовать предписаніямъ религіи единственно ради лишь достиженія вѣчнаго блаженства, хотя и достигнетъ известной степени положительнаго достоинства проявленій своей воли, но, по *нравственной оцѣнкѣ* этихъ проявленій, они будутъ ничтожны и потому никакая религія, возвысившаяся въ своихъ воззрѣніяхъ до нравственной оцѣнки дѣяній человека, не можетъ обѣтовать такому „праведнику по неволѣ“ вѣчнаго блаженства, т. е. признать моральное достоинство проявленій его свободной воли, дурной по своему существу, но находящейся подъ давленіемъ страха мученій, или прельщенія обетованнымъ блаженствомъ.

Но только лишь въ этомъ, основномъ, положеніи о

существованіи рая, какъ награды за нравственную высоту души и заключается сходство религій въ воззрѣніяхъ на вопросъ о вѣчномъ блаженствѣ*; дальнейшее развитіе этого вопроса, развитіе, такъ сказать, детальное, даетъ широкій просторъ фантазіи человека во всѣхъ религіяхъ, созданныхъ его философскимъ міровоззрѣніемъ.

Я не стану утруждать вниманіе читателя подробнымъ обзоромъ взглядовъ этихъ религій на формы вѣчнаго блаженства, взглядовъ по большей части весьма поэтическихъ и довольно интересныхъ, но имеющихъ мало отношенія къ предмету настоящей статьи и, потому, прямо перейду къ взглядамъ христіанства, этой, такъ сказать, религіи изъ религій, основанной на строго-последовательныхъ положеніяхъ Божественнаго Откровенія. Но, предварительно, необходимо сделать небольшое отступленіе.

Читатель, вероятно, замѣтилъ, что все, сказанное выше объ основахъ религій, возвысившихся до моральнаго міросозерцанія, всецѣло относится и до христіанства, не смотря на то, что это последнее основано на Божественномъ Откровеніи, тогда какъ всѣ прочія религіи,— на самостоятельномъ сознаніи человека; оно и понятно: разъ, если духъ человека есть частица, или, какъ говоритъ Св. Писаніе, искра Божественнаго Духа, то очевидно, что основы міровоззрѣнія человека, неугасившаго въ себе эту искру, будутъ, если и не тождественны, то, во всякомъ случае, сходственны съ основами теологической истины, открываемой Божественнымъ Откровеніемъ.

Но это только въ основахъ истины, дальнѣйшее-же развитіе понятія о міроустройствѣ, дѣлаемое слабою

искрою человеческого духа, къ тому-же очень шаткаго и неустойчиваго, не можетъ быть сходственно съ действительнымъ мироустройствомъ, сдѣланнымъ Волею Всемогущаго, Премудраго, Божественнаго Духа. И вотъ отсюда являются уклоненія мировоззрѣній всѣхъ религій отъ мировоззрѣнія христіанскаго, какъ основаннаго на Божественномъ Откровеніи: съ одной стороны мы видимъ плодъ фантазіи человека, фантазіи зачастую поэтической, остроумной, увлекательной, какъ греза истиннаго художника, какъ волшебный очаровательный миѳъ, манящій своею поэтической прелестью; съ другой стороны намъ представляется теологическая истина во всей ея простоте и святости, во всей ея поражающей логичности и справедливости, вызывающей невольныя слезы умиленія; съ одной стороны, — мощный художникъ, способный „глаголомъ жечь сердца людей“, съ другой, — Самъ Богъ, Творецъ міровъ, передъ Которымъ все ничтожество, все лишь звукъ пустой, и если мы восхищаемся передъ художникомъ, то здѣсь мы падаемъ ницъ, падаемъ сраженные и уничтоженные, съ полнымъ сознаниемъ своего ничтожества передъ лицомъ Всемогущаго.

Такая величественная теологическая истина, которую заключаетъ христіанское ученіе, умиляетъ и подавляетъ насъ до сознанія собственнаго ничтожества, до рокового предела, за который не можетъ переступить слабое сознание человека. Но это еще не истина во всей ея наготѣ: какъ говорить Христосъ, есть понятія недоступныя не только человеку, удрученному плотью, но и безплотнымъ ангеламъ *); это положеніе не только можетъ

*) Евангелие отъ Матѳ. XXIV, 36

быть принято **вѣрою**, свойственной истинному христианину, но и весьма понятно для разума, ибо онъ не удовлетворяется истиною, вытекающею изъ Св. Писанія и Св. **Преданія** и ищетъ для своего **познанія** дальнѣйшаго развитая этой истины.

Еъ такому дальнѣйшему развитію истины христіанскаго ученія, неизвѣстному намъ изъ Св. Писанія и **принадлежащему** въ области, стоящей за роковою гранью челоѳческаго пониманія, **слѣдуетъ** отнести между **прочимъ** и вопросъ объ устройстве **Царствія** Небеснаго. Наша Церковь не даетъ поэтому поводу никакихъ **опредѣленныхъ** положеній или указаній; но пыливый разумъ челоѳека, жаждущій познаній, немирящійся со своимъ ничтожествомъ, старается поднять таинственную **завѣсу** и создаетъ апокрифы.

Между этими апокрифами объ устройстве Царствія Небеснаго, несомненно слѣдуетъ поставить на первое мѣсто третью часть „Божественной **Комедіи**“ Данте-Алигieri, какъ глубоко-философскую, теологическую поэму, обладающую первостепенными художественными достоинствами; здѣсь уже видно полное развитіе той теологической и философской системы, которая набросана лишь отрывками въ первыхъ двухъ частяхъ „Божественной **Комедіи**“.

Въ этой теологической и философской системе, несомненно играетъ очень видную роль взглядъ автора, на самый видъ или **способъ** вѣчнаго блаженства.

ДЕЛО въ томъ, что наша Церковь, не разрѣшая вопроса объ адскихъ **мученіяхъ** въ огнѣ, не говоритъ утвердительно, какъ слѣдуетъ разуметь этотъ огонь: метафорически или буквально? Иначе говоря: слѣдуетъ

ли считать адскія мученія физическими или-же только нравственными? Точно также Церковь умалчивает относительно того, въ чемъ именно состоитъ вѣчное блаженство. Но въ первомъ случаѣ, какъ упомянуто выше, вопросъ толкуется двояко: мученія объясняются не только метафорически, но и въ прямомъ смысле, т. е. въ смыслѣ физическихъ мученій; и, если для Данте, въ силу-ли его теологическихъ и философскихъ взглядовъ, или-же въ силу поэтическихъ условій, затруднительно было представить картину нравственныхъ мученій, то онъ набросалъ намъ много богатыхъ художественными достоинствами, картинъ мученій физическихъ. Иное дѣло блаженство: тутъ уже само собою вопросъ идетъ объ известномъ нравственномъ удовольствіи, которое и причины должно имѣть нравственныя, а ни коимъ образомъ не физическія, действительно, физическая боль, намъ причиняемая, точно также, какъ и нравственныя потрясенія, вызываетъ въ насъ чувство страданія, но никакое физическое ощущеніе не можетъ вызвать въ насъ чувства блаженства. Да и помимо всего, если кое-какія ощущенія, вызывающія нѣкоторое удовольствіе, вслѣдствіе вліянія на тѣ или другіе нервныя центры и свойственны нашему организму, то, само собою разумеется, было-бы вопіющею нелѣпостью возводить эти ощущенія на степень небесной награды за хорошія, въ смыслѣ нравственности, проявленія нашей свободной воли, составляющія ту или другую добродѣтель.

Потому-то самый вопросъ о томъ, въ чемъ именно состоитъ вѣчное блаженство, обѣтованное намъ въ Царствіи Небесномъ, представляется весьма интереснымъ въ философскомъ отношеніи.

Данте-Алигieri въ своемъ „Рая“ не разрѣшаетъ его болѣе или менѣе определенно; да, впрочемъ, въ данномъ случаѣ и невозможна полная определенность въ научномъ смыслѣ этого слова. Данте опредѣляетъ блаженство праведниковъ ощущенiемъ божественной радости, какъ слѣдствiемъ близости ихъ къ Богу, причемъ и радость эта увеличивается въ прямой зависимости отъ данной близости въ физическомъ ея смыслѣ: по мѣсто-нахожденiю въ болѣе или менѣе значительномъ разстоянiи отъ Престола Всевышняго; эта-же последняя близость, въ свою очередь, находится въ зависимости отъ нравственной близости даннаго праведника къ совершенству.

Поэтому-то свой „Рай“, поэтъ раздѣлилъ на сферы по степенямъ блаженства, подобно тому, какъ дѣлилъ „Адъ“ и „Чистилище“ на круги по степенямъ грѣховности. Но здѣсь онъ уже не создаетъ самостоятельной теорiи относительно самаго мѣста Рая, какъ это сдѣлалъ въ „Аду“ и въ „Чистилище.“ Въ третьей части своей „Божественной Комедiи“ Данте строить расположенiе Рая по системе Птолемея, строго слѣдуя ей не только въ основныхъ, такъ сказать, фундаментальныхъ, положенiяхъ, но и во всѣхъ детальныхъ развитiяхъ подробностей этой космической теорiи, просуществовавшей столько вѣковъ и казавшейся при тогдашнемъ состоянiи естествознанiя неоспоримо-вѣрной. Только въ тѣхъ подробностяхъ Данте отступаетъ отъ системы Птолемея, которыя не были затронуты великимъ греческимъ философомъ, но которыя въ то-же время являются необходимыми для поэта, опиывающаго наблюденiя очевидца и при томъ при содѣйствiи всепросвѣщающей Беатриче.

Эти добавленiя и самая обработка теорiи Птолемея

придали Раю Данте еще болѣе мистическій характеръ, чѣмъ первымъ двумъ частямъ его поэмы. Причина этому отчасти лежитъ въ бѣдности и мистичности всѣхъ, вообще скудныхъ хъ, познаній по астрономіи и космографіи въ эпоху Данте, которыя не только въ то время, но и гораздо позже были покрыты густымъ покровомъ схоластики и создали, вмѣсто физико-математическихъ теорій, астрологию; да и вспомогательныя науки, за исключеніемъ математики, не дошли по своему развитію даже и до младенческаго состоянія и вмѣсто химіи существовала полу-схоластическая, полу-мистическая алхимія, которая утверждала, что на химическіе процессы вліяютъ заклинанія и т. п., а вмѣсто физики существовало очень и очень мало, почти даже неprovѣренныхъ, свѣденій, объясненныхъ съ полнымъ торжествомъ схоластики, вродѣ того, что природа боится пустоты. Нужно-ли послѣ этого удивляться, а тѣмъ болѣе ставить въ упрекъ Данте его наивныя схоластическія и мистическія теоріи, вродѣ объясненія пятенъ на лунѣ *), тѣмъ болѣе, что эти теоріи и до сихъ поръ не только не вышли изъ области гипотезъ, но и все еще возбуждаютъ горячіе споры въ наукѣ, не смотря на всю мощь и ширь, которой она достигла въ наши дни?

Это почти то-же, что я уже говорилъ по поводу естественно-научныхъ теорій и положеній Данте въ моемъ вступленіи къ „Чистилищу“, — второй части „Божественной Комедіи“.

Но зато про теоріи чисто-богословскія, развиваемыя въ „Раю“, нельзя сказать того-же, что говорилось про таковыя-же теоріи „Чистилища“. Тамъ была глубина

*) См. „Рай“ пѣснь П.

объективной, строго-теологической, мысли, здѣсь-же, въ „Рая“, богословскія теоріи уже пріобрѣтаютъ субъективный характеръ, хотя и непротиворѣчащій основамъ христіанства, опирающійся на данныя Св. Писанія и отличающійся истинно-философской подкладкой, но все-же здѣсь даются ответы съ оттѣнкомъ личныхъ воззрѣній Данте. Трудно сказать, являются-ли эти воззрѣнія плодомъ философскаго размышленія автора, или-же тутъ сказались вліянія какихъ-либо чуждыхъ тенденцій, но дѣло не въ причинѣ происхожденія даннаго факта, а въ самой сущности факта и ея значеніи въ теологическомъ, философскомъ и литературно-художественномъ отношеніяхъ.

Прежде всего, въ „Чистилищѣ“, какъ я уже замѣчалъ, повидимому, даже вопреки желанію и предвзятой мысли автора, его теоріи сказались, если будетъ позволено такъ выразиться, въ объективно-христіанскомъ свѣтѣ, въ свѣтѣ логичной христіанской морали, а не при искусственномъ освѣщеніи хитросплетеній лукаво-мудрствующей Римской Церкви.

Весьма естественнo, что можно было-бы ожидать того-же и отъ „Рая“, но тутъ уже сказалось прямо-противоположное направленіе мыслей и воззрѣній автора; правда, и въ первыхъ двухъ частяхъ своей поэмы, Данте обнаруживалъ склонность къ мистицизму, но эта склонность сказывалась почти исключительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поэту, вслѣдствіе особенностей самой фабулы поэмы, или-же по какимъ-либо другимъ, личнымъ, соображеніямъ, приходилось объяснять необъяснимыя философско-богословскія проблемы т. е. какъ остроумно сказалъ Козьма Прутковъ, приходилось „объять необъ-

ятное"; во всѣхъ-же прочихъ мѣстахъ рациональная философія всегда брала верхъ не только надъ мистицизмомъ или католическими тенденціозными хитросплетеніями, но даже и надъ схоластикой и тому подобными средневековыми препонами всякому рациональному мышленію и здравому пониманію идей и представленій въ ихъ философской связи причинности и стройности.

Какъ на примеръ такого уклоненія отъ прежняго, здраваго и рациональнаго, пониманія богословскихъ принциповъ въ ихъ идейномъ развитіи, я укажу на рѣчь Пиккарды*), гдѣ она разрѣшаетъ вопросъ о вліяніи чужой воли на неисполненіе даннаго обѣта дѣвственности, насколько проявленіе этой воли можетъ сказаться на христіанскихъ заслугахъ души, давшей такой обѣтъ и неисполнившей его по независящихъ отъ нея обстоятельствамъ.

Здѣсь уже только слабая тѣнь величія Данте, какъ рационалиста-философа (въ строго-объективномъ значеніи этого слова, а не въ условномъ, какое ему обыкновенно придаютъ); тутъ уже видна тенденція, условное освѣщеніе не только рѣшенія даннаго вопроса, но и самой постановки его, а потому теорія, развиваемая авторомъ изъ подходящихъ богословскихъ христіанскихъ принциповъ, искусственна, блѣдна и, пожалуй, даже натянута, какъ натянута теорія въ папскихъ буллахъ средневекового періода, имѣющихъ цѣлю, преимущественно, доставить доходъ Римской Куріи; и, какъ не въ одной изъ этихъ булъ, не смотря на необыкновенную софистическую эрудицію, опытность, беззастѣнчивость и почти божествен-

*) См. „Рай“, пѣснь III.

ную авторитетность ея авторовъ, не удалось доказать справедливость этихъ буллъ и скрыть неблаговидную цѣль ихъ появленія, точно также Данте, несмотря на его недюженный геній и горячую вѣру въ справедливость своихъ идей, не удалось скрыть ихъ тенденціозности, искусственности и натянутости.

Я указалъ на одинъ только примѣръ, въ подтвержденіе моихъ словъ и не стану утруждать вниманіе читателя другими ссылками и разборомъ тенденціозныхъ теорій: ихъ легко замѣтитъ самому и найти ихъ искусственность при болѣе или менѣе внимательномъ чтеніи поэмы. А потому, я прямо перейду къ политическимъ теоріямъ „Рая“.

Здѣсь уже, въ политическихъ теоріяхъ, замѣтна не только полная солидарность съ таковыми „Ада“ и „Чистилица“, но и ихъ дальнейшее развитіе и разработка.

Правда и тутъ, въ третьей части своей безсмертной поэмы, Данте не высказываетъ никакой определенной политической программы, не только въ смысле современной ему партійности, но даже и въ самомъ объективномъ смыслѣ; однако, какъ у истиннаго художника, въ образахъ и картинахъ, въ силуэтахъ, въ поэтическихъ оттѣнкахъ, такъ и сквозятъ у Данте его политическіе принципы и воззрѣнія, его убѣжденія и упованія, его *ria desideria*, его взгляды на *profession de foi* Римской Имперіи въ ея міровомъ значеніи. Но все это такъ расплывчато, такъ неопределенно, такъ сбивчиво и неуловимо, покрыто такими густыми оттѣнками мистицизма, схоластики, территоріальныхъ и даже мѣстныхъ тенденцій, что если-бы и можно было собрать все это во единое цѣлое, то и тогда не получилось-бы ничего сколько

нибудь определеннаго, болѣе или менѣе уловимо очерченнаго границами оригинальности, а только какая-то расплывчатая смѣсь общихъ морально-христіанскихъ положеній, національныхъ стремленій, личныхъ тенденцій и масса, подавляющая масса, случайнаго элемента съ ярко-выступающимъ характеромъ личности не только самого поэта, но и людей, какъ современныхъ, такъ и историческихъ, имѣвшихъ на него вліяніе въ данное время. Все это, вмѣстѣ взятое, лишаетъ третью часть „Божественной Комедіи“ не только важнаго историко-политическаго значенія, но даже и той доли этого значенія, какую имѣютъ „Адъ“ и „Чистилище“ и почти все классики отъ Гомера до самыхъ новѣйшихъ.

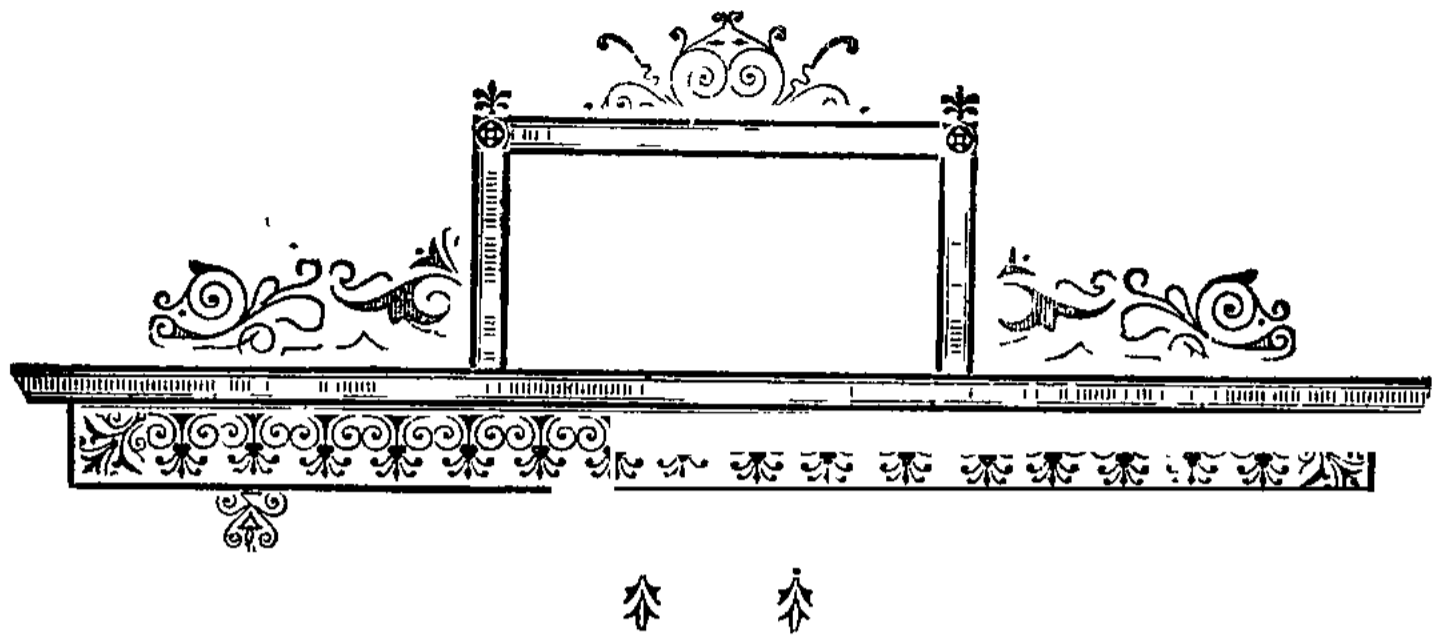
Но за то за „Раемъ“ остается несомненное, подавляющее, преимущество не только передъ „Адомъ“ и „Чистилищемъ“ но и передъ многими другими классическими поэмами; это преимущество,—его литературно-художественное значеніе т. е. значеніе, какъ произведенія искусства, отбросивъ въ сторону всякія теоріи. Действительно, если въ своихъ сонетахъ, въ своей „Vita nuova“. въ „Аду“ и въ „Чистилищѣ“, Данте показалъ себя недюженнымъ поэтическимъ гениемъ, то въ „Раю“ онъ развернулъ этотъ гений во всю его безпредѣльную ширь и мощь, сталъ на высоте своего призванія и стяжалъ себѣ безсмертіе въ длинномъ ряду поколѣній.

Съ первыхъ строкъ своей небесной эпопеи, вознося благодареніе гению поэзіи, Данте какъ-бы расправляетъ, и безъ того широко-распростертыя, мощныя поэтическія крылья и парить въ высоту; и что за картины, что за образы, что за дивные звуки исторгаетъ его вдохновенная лира! Въ стройныхъ, мелодичныхъ аккордахъ несется

его хваленіе Царю Царей, сливаясь съ пѣніемъ серафимовъ, по мѣрѣ того, какъ поэтъ подымается по небеснымъ сферамъ, и вотъ оно становится все звучнѣе, все богаче сладостью и поэтической мощью и наконецъ обрывается, обрывается сразу, мгновенно, чуть-ли не на полуслове, обрывается передъ Престоломъ Всевышняго, безсильное воспѣть Того, Котораго нельзя обрисовать ни словами, ни звуками, ни красками, передъ Которымъ все недостойно, все слишкомъ низменно, все безцвѣтно, все мертво!...

И вотъ это-то значеніе, значеніе чистаго искусства, навсегда останется за „Божественной Комедіей“. Уже прошло много вѣковъ со дня ея появленія, пройдетъ, быть можетъ, еще больше, не только отдѣльныя личности, но и цѣлыя поколѣнія, цѣлыя народы будутъ стерты съ лица земли и позабыты, а „Божественная Комедія“ будетъ по прежнему служить предметомъ восхищенія, будетъ „глаголомъ жечь сердца людей“, будетъ вызывать восторги и слезы изъ очей милліоновъ людей, до тѣхъ поръ, пока существуетъ святое искусство, пока сапожникъ не станетъ выше Шекспира, пока въ сердцахъ людей сохранится хоть капля чувства, словомъ, пока стоитъ вселенная въ томъ, видѣ какъ сейчасъ, пока не настало свѣтопредставленіе и не разрушилась земля.

Ал. Федоровъ.

П Ъ С Н Ъ І.

Данте, послі возблагодаренія генія поезіи, постепенно возносившаго его до созерцанія небесныхъ предметовъ, рассказываетъ, какимъ образомъ онъ, съ помощью Беатриче или теологів, могъ вознестись изъ Земного Рая къ Небесамъ.

1. Слава Того, Кто все движеть,
Проникла вселенную всю
То больше, то меньше, но въ Небѣ,

4. Гдѣ былъ я, тамъ Славу Свою
Предвѣчный столь яркою сдѣлалъ,
Что блескъ-бы ея описать

Не могъ-бы, спустившись, тотъ смертный,
Пришлось кому тамъ побывать:
Разумъ настолько глубоко,